

VI International Summer Qualification School Modern Pedagogical Technologies in Teaching Russian as a Foreign Language
VI Международная квалификационная школа „Современные педагогические технологии в обучении русскому языку как иностранному“

РИТОРИКА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: КРАТКИЙ ОЧЕРК

Валерий Ефремов

Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург

Резюме. В статье описывается история развития советской риторики как науки и как обязательной составляющей политического дискурса, а также выявляется лингвистическая и прагматическая специфика советской политической риторики.

Keywords: soviet rhetoric, political discourse, linguistic pragmatics, idiostyle.

В советский период риторика как наука пережила короткий ренессанс (1920-е гг.), после которого долгое время оставалась под запретом. В связи с коренными изменениями социальных отношений, ломкой культурных и исторических традиций в XX веке изменилось и само представление о красноречии, появились новые формы политического дискурса, наметились новые способ риторического воздействия, сформировались новые образцы риторического канона.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. в определенной степени может быть объяснен и их «риторической победой» над другими партиями предреволюционной России. Как отмечает специалист в области политической риторики проф. Г. Г. Хазагеров, на начальном этапе развития партии большевиков были выработаны две основные формы применения риторики: пропаганда (распространение марксистских идей в узком кругу соратников и потенциальных политических сторонников) и агитация (работа с широкими народными массами). Из-за идеологических расхождений среди самих революционеров и наличия в их среде нескольких политических групп постоянно требовалось применение риторических умений, ярким примером реализации которых стали разнообразные статьи и брошюры – основные формы существования большевистской революционной риторики.

Ведущим политическим оратором предреволюционного и революционного времени был, несомненно, сам В. И. Ульянов (Ленин), чья политическая и активная публицистическая деятельность предопределила ход развития будущей советской риторики и выявила два магистральных пути нового типа красноречия: отход от церковной (гомилетической) традиции и ориентация на судебное красноречие царской России. Считается, что наиболее существенное влияние на риторику Ленина оказал такой теоретик судебного красноречия, как П. С. Пороховщиков.

Важными чертами ленинской риторики были гибкость и контрастность. Например, один из любимых риторических приемов Ленина – использование диафоры (фигура речи, создаваемая в результате повторения слова в измененном, как правило, усиленном, значении), запомнившейся многим советским людям по фразе «Есть компромиссы и компромиссы».

Риторическая манера Ленина серьезно отличалась от предыдущей традиции политических выступлений: по замечанию историка С. В. Ярова, «Ленин не соответствовал классическому типу ораторов, для которых нормой были искусственный подбор красноречивых и афористичных сентенций, эффектные отступления, строгая логичность и последовательность изложения, расчетливо продуманная аффектация и тщательно выстроенная соразмерность каркасов речи. Перед нами *par excellence* – эмоциональные, торопливые и сбивчивые выступления, акцент на одной и той же идее, варьируемой вновь и вновь, хотя и на разные лады. Во многих его речах нет ни монументальности, ни системности, ни связности. В них заметно другое – эмоциональное «проговаривание» мысли, особенно увлекшей его в данную минуту, еще и еще раз до тех пор, пока охватившее его напряжение не ослабевает. Это можно скорее назвать своеобразной терапевтической практикой, посредством которой происходит высвобождение неприязни к идеям, людям и событиям, вызывающим всенарастающее раздражение».

Как и большая часть будущей советской риторики, особенно сталинского периода, красноречие Ленина чрезвычайно энергично, экспрессивно и агрессивно. Для его стиля характерны антитезы, градации и резкая, отрицательно окрашенная (пейоративная) лексика («политические проститутки», «сволочи» и т.д.). Вспоминая ораторские выступления Ленина, один из его соратников отмечал эмоциональную силу и агитационный пафос речей «вождя пролетариата»: «вся речь его – как призыв: ничего лишнего...» (А. А. Андреев). В советский период многие современники и мемуаристы описывали Ленина в разных ситуациях общения, создавая тем самым образец для речевого подражания, который активно поддерживался многочисленными живописными и кинематографическими полотнами: Ленин на трибуне, Ленин беседует с товарищами по партии, Ленин ведет совещание, спорит и полемизирует, Ленин общается с представителями крестьян, рабочего класса, с солдатами и матросами, Ленин приезжает на елку к детям и т.д. Безусловно, подобное многократное и разнообразное тиражирование коммуникативных ситуаций с участием вождя преследовало и формирование определенного идеала риторического поведения.

Интересной особенностью идиостиля Ленина, также во многом предопределившей развитие не только риторики, но и советской публицистики, стали специфические, избыточные риторическими фигурами, вопросами и аллюзиями названия его работ: «Что делать?», «Шаг вперед – два шага назад», «Что такое

советская власть?», «Кто такие «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и т.д. Нетрудно заметить, что эти названия напоминают современные газетные и журнальные заголовки.

Еще одна особенность стиля Ленина, обусловленная агитационным и пропагандистским качеством речей, заключается в многочисленных повторах: очень часто в его выступлениях обнаруживается не варьирование мысли, которое традиционно используется для усиления тезиса или выявления какого-либо смыслового нюанса, а употребление одних и тех же слов, идиом, словосочетаний, ничего не прибавляющих к уже сказанному. Подобного рода «бесполезные» повторы, безусловно, слабое место любого ратора, но в живой агитационной речи они могут стать весомым оружием воздействия.

В 1920-е гг. у советской власти возникает кратковременный интерес к проблемам риторики как науки, однако в достаточно узком аспекте: красноречие рассматривается как составляющая всеобщего образования народных масс, как одна из форм ликбеза (компании по ликвидации безграмотности широких народных масс), прежде всего как научение необходимым навыкам письменной и отчасти устной речи. Однако в связи с особым значением устной агитации, которая активно велась в виде ораторских выступлений и дискуссий на местах, в первое десятилетие Советской власти пишутся книги и об ораторском искусстве, умении говорить с трибуны и убеждать массы.

Более того, в 1918 г. в Петрограде открывается Институт живого слова – высшее научное и учебное заведение, ставившее своей целью научно-практическую разработку вопросов, относящихся к области речи и связанных с нею дисциплин, а также подготовку мастеров «живого слова» в педагогической, общественно-политической и художественной областях. Институт просуществовал до 1924 г., затем был расформирован, а некоторые его отделения были преобразованы в другие научно-исследовательские институты. В нем работали знаменитые деятели революционной эпохи, ученые и юристы, театральные режиссеры и литературные критики (С. М. Бонди, А. Ф. Кони, А. В. Луначарский, В. Э. Мейерхольд, Л. В. Щерба, Б. М. Эйхенбаум, Н. А. Энгельгардт, Л. П. Якубинский и др.). В институте читались лекции по теории и практике речи, велись записи на фонографе, проводился анализ авторского чтения поэзии. Преподаватели разрабатывали специальные программы курсов лекций по теории эстетики и этике общежития, по теории красноречия, теории спора, психологии речи и мышления и др.

На открытии Института живого слова нарком просвещения А. В. Луначарский в частности отметил: «Все формы политического творчества идут через речь. Россия заговорила, и заголосила даже, и нам необходимо, чтобы этот разговор приобрел как можно скорее четкость, чтобы возможно было больше таких людей, которые говорили бы то, что они думают, которые умели бы влиять на своего ближнего и которые умели бы парализовать вред влияния. Если это влияние демагогическое, если

это злые чары, благодаря которым тот или иной ритор побивает словом... Надо учить говорить весь народ от мала до велика». В этом программном для деятельности сотрудников института выступлении обнаруживается основное направление взаимодействия рождающегося советского государства и красноречия: риторика нужна исключительно в связи с решением утилитарных политических задач.

Новое время расставляет новые акценты. Вот как, например, описаны задачи советской педагогической риторики в многократно переиздававшейся книге А. В. Миртова «Умение говорить публично» (1923): «В новых условиях нашей жизни всякому, не ушедшему целиком в свою скорлупу, приходится время от времени быть и оратором. Под оратором мы разумеем не только лиц, произносящих речи в больших собраниях, на митингах и т. д., но всякого, кому приходится обращаться с словом, хотя бы к самой небольшой группе собравшихся. Убедить, разъяснить что-либо, успокоить, ободрить, призвать – вот обязанности, постоянно налагаемые на нас жизнью». Для этого, раннего постреволюционного, времени еще характерна вера в могущество публично сказанного слова: «Живое слово – могучее орудие в умелых руках. Никакая книга, брошюра, листовка, плакат, воззвание никогда не заменят живого слова!»

Однако уже в конце 1920-х – начале 30-х гг. интерес к речевой культуре и, в частности, к устному монологу, слабеет и сходит на нет: изменения в социокультурной обстановке, коллективизация и индустриализация, создание ГУЛАГа и массовые репрессии, преследование свободы мысли и искоренение свободы высказывания, процессы над идеологическими противниками и уничтожение интеллектуального цвета нации привели к формированию новой, воцарившейся на несколько десятилетий риторики, наиболее характерным воплощением которой становится красноречие Сталина.

Риторика Сталина формируется на сломе двух риторических традиций: судебно-политического (следствие опыта кружковой большевистской деятельности) и торжественного (церковного по своему генезису) красноречия. Несмотря на кажущуюся идеологическую преемственность, риторическое поведение Сталина во многом отличалось от красноречия Ленина. Так, по утверждению Г. Г. Хазагерова, если Ленин использовал логику, «как таран, оснащая ее грубыми выпадами», то Сталин пользовался логикой «как методичной осадой, подкрепляя ее всевозможными трюизмами и нагнетая повторы». Риторика Сталина была чрезмерно тяжеловесной, основательной, что и производило соответствующий прагматический эффект.

Один из наиболее распространенных приемов Сталина как оратора – повтор одних и тех же слов, словосочетаний, синтаксических конструкций. Однако, в отличие от эмоционально-экспрессивных повторов Ленина, этот прием Сталина имеет другое происхождение: в юности он несколько лет учился в семинарии. Именно с этим риторическим опытом ученые связывают еще один характерный композиционный прием Сталина – имитировать в выступлениях-рассуждениях

форму кратких вопросов и ответов (традиция христианского катехизиса).

С точки зрения стилистических ресурсов языка идиостиль Сталина также формирует неряшливую, стилистически грязноватую манеру многих будущих советских политиков и чиновников: для речей «вождя советского народа» характерны многочисленные канцеляризмы, просторечие, в них многократно используется косноязычная бюрократическая речь. «Укрепляя свою диктатуру и избавляясь от соперников, становясь не одним из многих, а единственным, Сталин неизбежно должен был менять и стилистику своих речей. Они приобретали директивный характер, а язык директив не мог быть цветистым, многословным, призывающим к соисканию истины, вопрошающим, плюралистичным и толерантным. Он обязан был быть кратким, четким, ясным, не терпящим двусмысленностей, безапелляционным» (С. В. Яров).

Апофеозом и логическим продолжением риторической деятельности Сталина становится советское судебное красноречие 1930-х – 40-х гг., ярчайший образец которого – выступления государственного обвинителя, прокурора СССР А. Я. Вышинского. На сфабрикованных политических процессах 30-х гг. (например, «Дело троцкистско-зиновьевского террористического центра», «Дело антисоветского троцкистского центра», «Дело антисоветского «право-троцкистского блока» и др.) обвинительные речи Вышинского отличались особой грубостью и крайней бесчеловечностью по отношению к обвиняемым, были наполнены резкими высказываниями и обценными словами, оскорбляющими честь и достоинство подсудимых, следствие по делам которых опиралось на сфальсифицированные доказательства и самооговоры обвиняемых, полученных под психологическим и физическим воздействием (пытками). Неслучайно имя Вышинского стало едва ли не нарицательным для обозначения беспринципного, бесчеловечного, угрожающего власти и попирающего закон юриста.

Советская риторика периода Великой Отечественной войны отличается более узкой идеологической направленностью: главная ее задача – поднятие патриотического духа нации и воодушевление на борьбу с захватчиками. Так, исследователь В. В. Смолененкова выделяет несколько функций сталинской риторики военного времени: три базовые (поднятие авторитета власти, воодушевление на освободительную войну и сплочение нации) и две утилитарные, практические (информирование населения об оперативной обстановке и указание к конкретным действиям на местах).

Регулярная цикличность выступлений главных политиков страны, условия военного времени («кризисная ситуация») и агитационно-пропагандистский характер риторики определили большое количество повторов в содержании и композиции выступлений той эпохи. Это проявляется и в схожести зачинов и концовок, в одинаковой организации подачи информации и композиции текстов, в использовании одних и тех же клише (ср. многократно растира-

жированную фразу Председателя Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотова из его обращения к советскому народу от 22 июня 1941 г.: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами»), в наличии сквозных лейтмотивов, например, уничтожение фашистской гадины, неминуемая победа над гитлеровскими войсками и стойкость советского народа.

В советской политической риторике никогда не брезговали и откровенной ложью: показателен фрагмент передовицы главной газеты страны «Правда» (июль 1941 г.):

«Печать ряда стран отмечает, что русская тяжелая артиллерия отлично стреляет и имеет хорошие снаряды, что красноармейцы проявляют в боях исключительное упорство и мужество, что бойцы Красной Армии даже в самой трудной обстановке не сдаются, а сражаются до последнего патрона, что они применяют военные хитрости, неожиданные для противника, что советские воины не боятся смерти, что даже тяжело раненные красноармейцы продолжают сопротивление.

Некоторые органы иностранной печати заявляют, что с таким мужественным и храбрым противником германская армия встречается впервые, что бои повсюду ведутся с ожесточением и упорством и что русские военно-воздушные силы атакуют врага с величайшей храбростью».

Задача подобного рода риторики – успокоить население путем обмана (ср., например, ссылки на неназванные источники информации: «печать ряда стран», «некоторые органы иностранной печати»), внешней бравурности речей (ср. использование высокой лексики) и бесконечного повтора о возможности гипотетической победы. В условиях начала войны и тяжелейших потерь, которые нес СССР, а также полностью контролируемого властью информационного пространства страны (отсутствие каких-либо независимых источников информации и возможности узнать правду из иностранной прессы), подобного рода риторическое манипулирование оказывало серьезное влияние на формирование представлений о происходящем у советских граждан.

Однако существовало и трезвое восприятие подобной военной риторики СССР, представленное прежде всего в таких документах эпохи, как дневники интеллигенции, например, знаменитого советского кинорежиссера А. П. Довженко: «12.7.42. Что более всего раздражает меня в нашей войне – это пошлый лакированный тон наших газетных статей. Если бы я был бойцом непосредственно с автоматом, я плевался бы, читая в течение такого длительного времени эту газетную бодренькую панегирическую окрошку или однообразные бездарные серенькие очерки без единого намека на обобщение, на раскрытие силы и красоты героики. Это холодная, наглая бухгалтерия газетных паршивцев, которым, по сути говоря, в большой мере нет дела до того, что народ страдает, мучится, гибнет. Они не знают народа и не любят его. Некультурные и душевно убогие, бездуховные и бессердечные, они пользуются своим положением журналистов и пишут односторонние сусальные рассказы, как писали до войны

о соцстроительстве, обманывая наше правительство, которое, безусловно, не может всего видеть. Я нигде не читал еще не одной критической статьи ни о беспорядках, ни о дураках, а их хоть пруд пруди, о неумении эвакуировать, о неумении правильно ориентировать народ и т.п. Все наши недостатки, все болячки не разоблачаются, лакируются, и это раздражает наших бойцов и злит их, как бы честно и добросовестно не относились они к войне».

Следует отметить, что за весь военный период риторика власть предержавших менялась незначительно. Так, по наблюдениям ученых, состав обращений и финальных лозунгов в текстах Сталина в течение четырех лет трансформировался минимально: из «доблестной и отважной» красная армия и флот становились «победоносными и героическими», «славная советская Родина» переименовывалась в «великую». Единственный объект, сменивший название в ходе войны, – это «великий советский народ», который изначально именовался «народы Советского союза». Подобного рода изменения отражали как развитие исторических событий (от катастрофических поражений к достойным победам), так и в определенной мере развитие самосознания народа, формировавшееся речами главного оратора страны.

Таким образом, риторическое видение роли советского народа в войне, разработанное Сталиным и поддержанное советской риторикой следующих десятилетий, было во многом ложной, упрощенной и опозитизированной интерпретацией правды. Оно не учитывало судьбы многих народов и миллионов людей, перемолотых машиной истории, и, в конечном счете, служило интересам вождя и тоталитарного государства.

После смерти Сталина в советском государстве складываются две основных сферы бытования риторики: (1) официальная, представленная, прежде всего, передовицами центральных газет и радио, выступлениями деятелей КПСС, профсоюзных работников и разделяющих линию партии граждан, имевших возможность выступать публично, и (2) диссидентская, обусловленная нравственно-этическим движением, участники которого желали «освободиться от официальной лжи» (Елена Боннэр). Именно период хрущевского правления стал колыбелью зарождающегося духа демократии и движения «шестидесятников»: появились условия для утверждения разномыслия, советские граждане приучались говорить без страха, обсуждать политику и критиковать своих политических лидеров.

Содержательно риторика Н. С. Хрущева базировалась на идеях «пролетарского гуманизма», возвращения к «светлым ленинским идеалам», определенной либерализации общества (позднее – «социализма с человеческим лицом»). Формально же выступления Хрущева выделялись на фоне советского официоза самобытностью оратора, экспрессивностью и эмоциональностью его выступлений, резкостью и безапелляционностью оценок: «Его речи экспромтом были яркими и самобытными», – делился впечатлениями его соратник Д. Т. Шепилов. – Он обычно приводил много примеров, пословиц и

поговорок. Часто это были всякие вульгаризмы. Например: «Мы еще покажем им кузькину мать», «Мы не лаптем щи хлебаем», «Он ноздрями мух давит». И другие в таком же духе. Иногда он в раздражении допускал прямые непристойности. Но живость, образность, бойкость его речей, по крайней мере, на первых порах нравились массовой аудитории».

Хрущев пользовался и приемами дешевого популизма, начиная с внешнего облика «рубахи-парня» и заканчивая манерой общения с представителями капиталистического мира на самом высоком уровне. Эталонем радужной и безосновательной риторики Хрущева может служить знаменитая фраза, произнесенная им на XXII съезде КПСС (1961): «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Во время выступления он голословно утверждал, что к 1980 г. в СССР будет построен коммунизм (точнее, материально-техническая база коммунизма). Фраза тут же вошла в Программу КПСС, принятую на этом съезде.

После прихода к власти Л. И. Брежнева в СССР начался длительный период застоя, в ходе которого идеологическое напряжение со стороны власти с каждым годом становилось все слабее и слабее, агитационно-пропагандистское давление государства на умы уменьшалось. Желание убедить в собственной правоте любой ценой уступало место компромиссу: если на публике люди были обязаны клясться в верности коммунистическим идеям и символам, в частной жизни они могли придерживаться иных взглядов. Именно в это время возникает феномен «разговоров на кухне» – беседы в кругу близких и знакомых людей, в ходе которых можно было высказывать разнообразные точки зрения, вплоть до вступающих в противоречие с той, которая официально транслировалась всеми средствами массовой информации. Именно в это время окончательно утрачивается доверие к словам политической элиты и расцветает жанр политического анекдота.

Во времена хрущевской оттепели параллельно с государственной сложилась и оппозиционная (в первую очередь – политическая) риторика, однако открытой полемики в социалистическом обществе не существовало и она была уделом узкого круга представителей интеллигенции. Советская пропаганда становилась все более навязчивой и вызывала закономерную реакцию – отторжение и скепсис. Наиболее яркими представителями диссидентского направления стали писатель А. И. Солженицын и академик А. Д. Сахаров, воплотившие в своих работах два типа риторического критики советской действительности.

Риторика Солженицына (условно славянофильская) основывалась на критике не столько советского строя, сколько эпохи сталинизма с нравственной и религиозно-национальной точек зрения. Риторика Сахарова (условно западническая) критиковала советский строй с точки зрения демократии и общечеловеческих ценностей: именно в его работах разрабатываются идеи интеграции с цивилизованным человечеством, концепты демократии, прав человека, свободы личности.

Постсоветская судьба оппозиционных риторик оказалась достаточно драматичной. Как замечает Г. Г. Хазагеров, «для риторики девяностых годов ти-

пичны ситуации, когда оратор говорит исключительно для своих, а временами создается впечатление, что он просто уговаривает сам себя. Аргументы противной стороны всерьез не разбираются. Сама эта противная сторона мыслится не как живой участник диалога, а как персонаж собственной речи оратора, как нарисованная им карикатура. Советская «полемика» с зарубежными авторами и лишенными права на публичное слово инакомыслящими внутри страны создала хорошую школу для таких «споров». /.../

Речь политического оратора, воспринятая как проповедь, некритично, «закрывает уши», не позволяет выслушать другую сторону. Все это превращает политический дискурс в клубы по интересам, где каждая сторона все глубже и глубже погружается в разбор собственной позиции, игнорируя реальность существования других сторон, а значит, игнорируя саму действительность».

Приход к власти М. С. Горбачева и последующее разрушение советской системы изменили не только политическое и экономическое устройство общества, но и представление о том, каким должен быть политик демократического, открытого типа.

ЛИТЕРАТУРА

Вайскопф, М. (2001). *Писатель Сталин*. Москва: Новое литературное обозрение.

Смоленкова, В. (2006). *Риторика Сталина военного времени*. Приказ № 70 // genhis.philol.msu.ru

Хазагеров, Г. (2002). *Политическая риторика*. Москва: Никколо-Медиа.

Яров, С. (2007). *Риторика вождей: Ленин и Сталин как ораторы* // Звезда. № 11.

SOVIET ERA RHETORIC: A BRIEF REVIEW

Abstract. The article describes the history of Soviet rhetoric as a science and as an important part of the political discourse. Special attention is paid to linguistic and pragmatic specifics of the Soviet political rhetoric.

✉ **Prof. Valeriy Efremov, DSc.**
Russian Language Department
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russia
E- mail: valef@mail.ru